

Научная статья
УДК 392
doi: 10.17223/2312461X/44/9

Наследие и культурное производство как факторы депериферизации малого города на примере Тарусы (Калужская область)

Наталья Сергеевна Любимова¹,
Мария Алексеевна Мочалова²

^{1, 2} *Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия*
¹ *lyubimova@iea.ras.ru*
² *masha.mochalova@iea.ras.ru*

Аннотация. Статья представляет итоги исследования процессов культурного (вос)производства в Тарусе как в одном из малых городов России. Эти процессы, которые часто связаны с памятью и наследием, и акторы которых аккумулируют собственный социальный капитал, по мнению авторов, влияют на качественные изменения городской среды и трансформируют вроде бы устоявшуюся «провинциальность». Ключевой теоретической рамкой исследования является концепция «депериферизации» урбаниста М. Кюна, в которой «периферийность» города рассматривается не как устоявшийся пространственный факт, а как общественная конфигурация, сложившаяся в неравных отношениях власти и подчинения, как длящийся процесс, в котором можно выделять разные аспекты, и который может быть повернут вспять. Таким образом, в жизни периферийных сообществ могут возникать депериферизационные процессы, направленные на развитие этих сообществ. В статье описаны два исследовательских кейса: а) история традиционной культурной практики вышивки «калужской цветной перевити», которая прошла путь от локального народного промысла, основанного на ручном труде, к широкому индустриальному производству, известному на всю страну, и далее в связи с экономическим кризисом и резким сокращением работы фабрики в 1990-е гг. «перешла» в пространство наследия с его патерналистским дискурсом; б) современная практика художественной мозаики, привнесенная в городское сообщество одним предпринимателем, интегрированная в другие городские культурные практики и пространства и аккумулирующая также развитие новых мест памяти и инициатив, связанных с наследием и коммеморацией. Эти случаи культурного производства можно рассматривать как самостоятельные депериферизационные факторы, способствующие росту социального капитала малого города.

Ключевые слова: депериферизация, малый город, культурное производство, наследие, Таруса

Благодарности: статья подготовлена в рамках работы Научного центра мирового уровня «Центр междисциплинарных исследований человеческого потенциала», грант предоставлен Министерством науки и высшего образования РФ (соглашение № 075-15-2022-328).

Для цитирования: Любимова Н.С., Мочалова М.А. Наследие и культурное производство как факторы депериферизации малого города на примере Тарусы (Калужская область) // Сибирские исторические исследования. 2024. № 2. С. 192–217. doi: 10.17223/2312461X/44/9

Original article

doi: 10.17223/2312461X/44/9

Heritage and cultural production as factors of deperipheralization of a small town on the example of Tarusa (Kaluga Region)

Nataliia S. Liubimova¹, Maria A. Mochalova²

^{1,2} *Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation*

¹ *lyubimova@iea.ras.ru*

² *masha.mochalova@iea.ras.ru*

Abstract. The article presents the results of a study of the processes of cultural (re)production in Tarusa as one of the small towns of Russia. These processes, which are often associated with memory and heritage, and whose actors accumulate their own social capital, according to the authors, affect qualitative changes in the urban environment and transform a seemingly well-established “provinciality”. The key theoretical framework of the study is the concept of “deperipheralization” by urbanist M. Kuhn, in which the “peripherality” of the city is considered not as an established spatial fact, but as a social configuration formed in unequal relations of power and subordination, as a continuous process in which different aspects can be distinguished, and which can be reversed. Thus, deperipheralization processes may occur in the life of peripheral communities aimed at the development of these communities. The article describes two research cases: a) the history of the traditional cultural practice of embroidery called “Kaluga color perevit’ (embroidery)”, which went from a local handicraft based on manual labor to a wide industrial production known throughout the country, and then, due to the economic crisis and the sharp reduction in factory work in the 1990s, “moved” into the heritage space with its paternalistic discourse; b) the modern practice of artistic mosaic, introduced into the urban community by one entrepreneur, integrated into other urban cultural practices and spaces and accumulating the development of new places of memory and initiatives related to heritage and commemoration. These cases of cultural production can be considered as independent deperipheralization factors contributing to the growth of social capital in small town.

Keywords: deperipheralization, small town, cultural production, heritage, Tarusa

Acknowledgements: the article was prepared as part of the work of the World-Class Scientific Center "Center for Interdisciplinary Research of Human Potential", a grant provided by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Agreement No. 075-15-2022-328.

For citation: Liubimova, N.S. & Mochalova, M.A. (2024) Heritage and Cultural Production as Factors of Deperiferization of a Small Town on the Example of Tarusa (Kaluga Region). *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 2. pp. 192–217 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/44/9

Написание этой статьи было вдохновлено знакомством с книгой *Japan's New Ruralities. Coping with Decline in the Periphery* (2020), спецификой которой является попытка междисциплинарного исследования сельской местности в Японии в рамках концепции депериферизации Манфреда Кюна (Kühn 2015). В своей работе Кюн поставил задачу сделать критический обзор разных трактовок периферизации, порожденных экономическими, социальными и политологическими исследованиями, отметить лакуны в существующих теориях и сформулировать общую многоплановую концепцию периферизации. Он рассуждает о «периферизации» как о динамичном процессе, в котором можно выделить социальные, экономические, политические и коммуникативные аспекты; иными словами – это «социальные отношения, имеющие пространственные последствия» (368). Он также отмечает, что эта оптика может быть применена в любом пространственном масштабе – как на государственном, региональном, городском уровне, так и на уровне городских районов (369). Таким образом, периферизация – это не пространственный факт, а общественная конфигурация, которая привела к неравномерному развитию. Исходя из этого Кюн призывает говорить и об обратных процессах – депериферизации или рецентрализации.

Периферизационный подход известен и отечественным ученым (Анохин, Кузин 2019; Кайбичева 2019), однако внимания российских антропологов он, насколько нам известно, еще не привлекал. Хотя сам Кюн делает акцент в первую очередь на проблемах неравномерного развития регионов и территориального планирования, авторы упомянутой книги (*Japan's New Ruralities... 2020*), взяв его оптику на вооружение, применили разные методики социального исследования – от крупных социологических до антропологических полевых проектов, раскрывая на этом материале сочетание различных факторов (политическая и экономическая зависимость от центра, депопуляция, изолированность, локальная политическая активность, местные инициативы, туризм и пр.), которые могут как обуславливать периферизацию сельских регионов, так и создавать противоположные, депериферизационные тренды. Таким образом, подход Кюна позволяет рассматривать явления разного характера и масштаба в комплексе и в контексте их влияния на периферизацию или, напротив, рецентрализацию, допуская при этом, что разнонаправленные тренды могут сосуществовать.

Наше исследование проводилось в рамках работы Научного центра мирового уровня «Центр междисциплинарных исследований человеческого потенциала» (рук. подпроекта ИЭА РАН в 2020–2023 гг. Д.А. Функ), что определило его фокус на социальных процессах, в частности, на вопросах развития местных сообществ в малом городе через призму привлечения и развития социального капитала как важного условия общественного благополучия (Бурдые 2009). Учитывая специфику города,

мы решили сосредоточиться на кейсах, связанных с культурным производством и наследием. Наша основная исследовательская гипотеза заключается в том, что историко-культурное наследие, которое сегодня рассматривается как форма культурного производства и процесс обсуждения памяти, идентичности и чувства места (см., напр., Смит 2013, Шнирельман 2020), наравне с «классическими» практиками производства символических благ, связанных с художественным полем (Бурдьё 2003), может становиться самостоятельным фактором депериферизации и роста социального капитала в малых городах.

Для проверки этой гипотезы мы провели качественное исследование, в основу которого легли материалы, собранные в ходе полевой работы в Тарусе в декабре 2020 г. и августе 2021 г., а также публикации в СМИ и социальных сетях. Полевые материалы представлены глубинными и экспертными интервью (более 30) с представителями различных городских сообществ: работниками культуры и образования, местными предпринимателями, мастерами и художниками, активистами, постоянно проживающими в Тарусе горожанами и приезжающими на летний сезон дачниками.

Таруса – город на периферии

Таруса – город в Калужской области с населением менее 10 тыс. человек, находящийся в 130 км от Москвы и 70 км от Калуги на левом берегу реки Ока у устья реки Тарусы. Этот город представляет собой один из центров так называемого дачного пояса Москвы. Этот фактор существенно влияет на жизнь города, превращая Тарусу в сезонное место притяжения отдыхающих. При численности постоянных жителей приблизительно в 9 тыс. человек в теплое время года город переживает приток дачников и туристов, увеличивающих его население в разы. В целом Таруса вписывается в общие российские демографические тренды: испытав последний раз приток населения в первой половине 1990-х гг., когда статистика зафиксировала отток населения из мегаполисов (Аверкиева, Нефедова 2016: 104), с начала нулевых годов город теряет жителей, за исключением 2020–2021 гг., когда, по всей видимости в связи с пандемией COVID-19, произошел некоторый рост числа жителей (Росстат. Итоги Всероссийской переписи...; Росстат. Численность постоянного населения...). При этом географы, занимающиеся изучением дач, отмечают, что адекватных статистических данных по числу дачных поселков и участков в России не существует, их приходится собирать по реестрам разных ведомств и на разных административных уровнях и дополнять информацией из других источников, например, анализом космических снимков и карт (Махрова, Медведев, Нефедова 2016: 65–66, 72). По их

расчетам, в Тарусском муниципальном районе плотность дачных участков составляет 200–500 на 1 км², а сезонное население превышает постоянное сельское на 100–200% (70, 71); в самой Тарусе преобладание летом временных жителей и туристов над постоянным населением, возможно, окажется еще больше. Все наши собеседники, включая тех, кто сталкивается с этой проблемой по долгу службы, давали основанные на собственных ощущениях неожиданно высокие оценки летнему приросту населения – до 10 раз (ПМА 2021).

Дачники являются брендом города: местные музеи сосредоточены в первую очередь на биографиях писателей, поэтов, художников, музыкантов и представителей других творческих профессий, которые жили или бывали и творили на даче в Тарусе (наиболее известные из них – Марина Цветаева, Константин Паустовский, Бэлла Ахмадулина, Виктор Борисов-Мусатов, Святослав Рихтер). Сам факт присутствия в городе знаменитых и талантливых людей становится в нарративах постоянных жителей и дачников одним из подтверждений того, насколько необычной и притягательной является атмосфера Тарусы. Советский и российский географ-урбанист Г.М. Лаппо уже в 80-е гг. прошлого века в своей категоризации малых городов причислил Тарусу к «городам – творческим лабораториям» (Лаппо 2012: 363), позаимствовав это определение у К. Паустовского (Паустовский 1956). Такая характеристика Тарусы, по сути, опирается на социальный капитал некоторых городских сообществ, прежде всего «дачников». Такие дачники – представители творческой интеллигенции, выбирающие Тарусу в качестве места поиска вдохновения для своей работы. И сейчас в Тарусе немало представителей креативного класса, среди которых кто-то приезжает сюда периодически, кто-то живет на два города, а кто-то перебирается на постоянное место жительства.

Изобилующая мемориальными местами известных художников и поэтов Таруса привлекает значительное количество туристов. Туристы также приезжают сюда ради культурных мероприятий (например, музыкальный Рихтеровский фестиваль, проводящийся с 1993 г.; инициаторами и первыми его организаторами были сам Святослав Рихтер и Ирина Антонова, возглавлявшая в то время ГМИИ им. Пушкина (Савоскул и др. 2021: 94), возможностей экотуризма и т.п.

Тем не менее в отношении активных процессов централизации экономической, культурной и социальной жизни в соседнем мегаполисе Таруса как малый город на периферии Москвы кажется заведомо уязвимой. В такого рода процессах Кюн выделяет три основных аспекта. Экономический аспект описывает недостаток инноваций, квалифицированной рабочей силы и инвестиций. Смежный с ним социальный аспект, близкий к социологическому понятию «маргинализация», говорит о поляризации между бедными и богатыми районами города. На региональном

уровне идея бедности подразумевает упадок в результате деиндустриализации, оттока квалифицированных специалистов, сокращения населения и недостатка инвестиций. Политический аспект заключается в зависимости от центров власти, неучастие «окраины» в процессе принятия решений (Kühn 2015: 369–373). Можно также отдельно отмечать и коммуникативные аспекты (374).

Таруса отдалена от крупных транспортных магистралей, как автомобильных, так и железнодорожных. Производств в городе немного, а зарплаты невысоки – даже в сравнении с соседним (35 км) Серпуховым, не говоря уже о Москве. Хотя, по данным Росстата, средняя заработная плата в Калужской области немного не доходила до 50 тыс. руб. (Росстат. Зарботная плата), наши собеседники оценивали обычную для Тарусы зарплату в 15–18 тыс. руб. (ПМА 2021).

В разговорах с горожанами проскальзывает ощущение зависимости города от центра, в первую очередь регионального. Причем зависимость от Калуги ярко видна и в культурной жизни города. Так, ряд знаковых музеев города являются филиалами более крупных музеев: например, Краеведческий музей и Музей семьи Цветаевых считаются филиалами Калужского объединенного музея-заповедника; руководители обоих должны согласовывать свою деятельность с начальством в Калуге. Есть музеи и московского подчинения: Мастерская Э. Штернберга – часть ГМИИ им. Пушкина, а Мемориальный дом-музей Паустовского – филиал музея Паустовского в Москве.

Все это – признаки периферизации Тарусы, однако в городе можно обнаружить и факторы, создающие явные депериферизационные тренды. Так, в Тарусе присутствует крупный научный центр и высокотехнологичное производство – Конструкторское бюро Института космических исследований РАН (КБ ИКИ РАН) и филиал Института общей физики РАН (ИОФ РАН), а также частный оружейный завод. Это не только центры инновационных технологий, но и самые привлекательные работодатели города – со слов собеседника из КБ ИКИ, зарплаты там в несколько раз превышают среднероссийские и могут достигать до 100 тыс. руб. и более. Эти организации конкурируют не только между собой за работников (инженеров, операторов высокотехнологичных станков и т.п.), но привлекают специалистов и из Москвы – наш собеседник отмечал, что дети первых работников КБ, приехавших сюда в 80-е гг., в основном уехали из Тарусы, а вот их внуки возвращаются, получив профильное образование в Москве (ПМА 2021).

Очевидно, что названные факторы (популярность Калужской области в целом и Тарусского района в частности у московских дачников, туризм, наличие научных центров) способствуют формированию общих протяженных социальных сетей с Москвой. С одной стороны, это указывает на зависимость Тарусы от московской агломерации с точки зрения

социального капитала, но с другой – включенность в такие транслокальные сети можно рассматривать и как депериферизационный фактор, поскольку она позволяет привлекать сконцентрированные в столице ресурсы для решения местных задач.

Кроме того, как фактор депериферизации можно отметить и наличествующую у городского руководства политическую волю. Глава городской администрации видит главную возможность развития города в создании и поддержании местных сообществ, которые могли бы участвовать в принятии решений, выступать с собственными инициативами и воплощать их при большей или меньшей поддержке властей. Он охотно говорит об этом как о важной части своей деятельности: «...пять лет, с 2015 года до 2020 [будучи депутатом городской думы], я лично занимался тем, чтобы развивать эти городские сообщества. Мы разработали стратегию... мы эту стратегию прожили совместно...» – причем именно в контексте важности объединения жителей: «...и мы поняли, что да, нас могут объединить только определенные ценности», «сначала выявляешь ценности, а потом вокруг них объединяешь людей». Выявленные администрацией ценности или преимущества города – это природа, история, дух времени (имеется в виду творческая атмосфера), удаленность от Москвы, наличие крупного научного центра (КБ ИКИ РАН и филиал ИОФ РАН). На них ориентируются, предлагая или одобряя какие-либо культурные или благоустроительные проекты в городе. Сам глава при этом вполне доволен результатами своих усилий по поддержке сообществ, апеллируя к тому, что в разных федеральных программах развития Таруса часто опережает соперников и по количеству поданных заявок на различные гранты, и по успехам в реализации заявленных проектов.

Интересно, что у каждого нашего собеседника оказалось свое понимание, что значит быть тарусянином. В то время как мэр упирал на то, что преимущественно все проекты реализуют местные активисты, от рядовых горожан мы слышали мнение, что есть «сообщество москвичей, которые считают, что все знают про Тарусу», и которые реализуют большинство проектов, а настоящих местных краеведов никто никуда не зовет, и в результате делаются ошибки. Некоторые из переехавших несколько лет назад в Тарусу людей уже называют себя тарусянами, другие проводят четкую границу между «коренными» и «переехавшими». Все уверенно выделяют только одну категорию – дачников, сезонных жителей, хотя строго определить даже ее мы бы пока не взялись. Неопределенность понятий «местный» и «приезжий» уже была отмечена исследователями, как и тот факт, что клеймо «приезжего» часто используется для ограничения участия «неместных» в местном культурном производстве (об отборе инициатив по принципу соответствия «духу Тарусы» нам

также рассказывали в администрации [ПМА 2021]) и для критики их начинаний (Burnett 1998).

Надо отметить, что одним из факторов, привлекательных в Тарусе и для коренных жителей, и для переселенцев, и для дачников, то есть практически для всех наших собеседников, является периферийность Тарусы в географическом смысле. Близость жизни в этом городе к природе, которая также выделяется всеми, в некотором роде связана с этой периферийностью. В городе существует нарратив о «железной дороге, которую не построили». В начале XX в. существовал проект железнодорожной ветки в Тарусу, здесь даже успели построить здание вокзала, однако дорога так и не появилась – говорят, этому воспрепятствовали жители. Никто из наших собеседников также не жалел об этом. Напротив, некоторая отдаленность от крупных транспортных артерий придает городу большую привлекательность как в глазах постоянных жителей, так и в глазах отдыхающих. Для некоторых переселенцев в Тарусу это стало решающим фактором при выборе места жительства. Так, парадоксальным образом географическая периферийность Тарусы стала одним из важных факторов ее депериферизации. Именно жизнь в маленьком, провинциальном, но культурном городке приманила многих «новых тарусян».

Конечно, для анализа (де)периферизационных процессов в Тарусе в целом необходимо было бы уделить особое внимание исследованию упомянутых высокотехнологичных производств. Однако мы решили подойти к проблеме с другой стороны, которая не часто оказывается в центре подобных исследований, и поставили задачу попытаться понять, может ли стать самостоятельным депериферизационным фактором культурное производство.

Из всего многообразия культурных и коммеморативных инициатив в Тарусе мы выбрали два примера того, как культурное производство может влиять на процессы (де)периферизации. Первый из них связан с традиционной художественной практикой, которая в разные периоды времени могла иметь разный вес в качестве депериферизационного фактора, однако до сих пор остается центром притяжения для талантливых людей и сохраняет свою значимость для города. Второй кейс сосредоточен вокруг частной культурной инициативы, которая также поспособствовала формированию транслокального сообщества, плотно вовлеченного в жизнь города и привлекающего ресурсы для его развития. Наш выбор в значительной степени обусловлен тем, что оба примера представляют практики культурного производства, при этом они различаются между собой по многим параметрам. Эти различия заметны в истории развития самих практик в Тарусе, в степени и способе интеграции в городскую среду и в характере сообществ, которые формируются вокруг них.

Вышивка-перевить: промысел и фабрика

Первый кейс представляет историю наследия как культурной практики и посвящен вышивке, называемой «калужская цветная перевить» и имеющей сегодня статус народного художественного промысла. Исторически эта вышивка являлась промыслом калужских крестьян, среди которых было распространено местное название «вырезы» (Шереметьева 1984: 134). Узор создается путем частичного выдергивания нитей из куска холста и последующего «перевивания» (т.е. обвивания) оставшихся другими нитями, как правило, контрастного цвета. На протяжении многих лет «вырезы» шили только девушки, обычно начиная с 10 лет и до замужества, умение передавалось от старших женщин младшим (135).

В ранние советские годы эта практика привлекла внимание собирательницы народного творчества Марии Фёдоровны Якунчиковой (урожденной Мамонтовой). Она имела большой опыт работы в организации производств на основе кустарных художественных промыслов, долгое время была занята в усадьбе Абрамцево («мамонтовском кружке»), широко известной своими мастерскими, в которых творили Врубель, Васнецов, Серов, Поленов и другие известные художники. В Абрамцево сохранялось и прославлялось крестьянское искусство. Можно сказать, что именно там во многом складывались принципы русского модерна в искусстве, архитектуре и литературе. Идею сохранения промыслов и популяризации предметов крестьянского искусства Якунчикова привезла с собой в Тарусу, оказавшись там в ссылке «за 101-й километр» в 1923 г. после непродолжительного, но подорвавшего ее здоровье ареста как представительницы «чуждого класса». Несмотря на положение ссыльной, Мария Фёдоровна была в восторге от своего нового места жительства и была готова к привычной ей работе с народными промыслами (Некрасов, Дубинина 2019: 136–142).

Навещавшая Якунчикову ее давняя подруга и коллега по многим абрамцевским начинаниям Наталья Яковлевна Давыдова, имеющая представление о калужских промыслах, помогла организовать в 1924 г. Тарусскую вышивальную артель. В 1920-е – начале 1930-х гг. в целом на территории Центральной России повсеместно происходило становление артелей и возникновение первых общественных мастерских, основанных на народных промыслах. При этом, как отмечает исследовательница калужского народного искусства С.И. Личенко (2005: 136), государство активно поддерживало производственные объединения, в которых на первый план выходила преемственность мастерства, его «народность». Это подчеркивалось в целях создания артели: «укрепление и развитие народного вышивального искусства» (Там же), так как до образования

артели в Тарусе и окрестных селах мастерицы-одиночки занимались вышивкой.

Советская власть относилась к Давыдовой лояльно в силу ее рабочей биографии, хотя женщина и происходила из купеческого рода. Некоторое время она возглавляла Кустарный музей, а затем работала в Московском объединении по экспорту кустарно-художественных изделий, которое занималось экспортом промысловых товаров за границу. Так, во времена торговых послаблений НЭПа Наталья Яковлевна легко смогла наладить продажу вышивок Тарусской артели (Некрасов, Дубинина 2019: 239–243) за рубежом. Отметим, что первоначально артель специализировалась на вышивке в целом, а не только на «перевити». Однако достаточно быстро Давыдовой и Якунчиковой стало ясно, что именно этот достаточно редкий вид вышивки и традиционный именно для тарусских окрестностей Калужской области должен стать основной специализацией артели в силу его необычности и высокого качества исполнения (Личенко 2005: 137).

Третья важная героиня в истории «калужской перевити», ставшая в итоге наиболее известной из трех основоположниц вышивального производства в Тарусе, это Маргарита Николаевна Гумилевская, имя которой сегодня носит вышивальная фабрика. Уже в 1924 г. Гумилевская стала проводить выезды в различные районы Калужской области для зарисовки локальных узоров вышивки, чтобы расширить коллекцию образцов. Некоторые из этих ранних образцов уцелели и хранятся в краеведческом музее Тарусы и Калуги.

В 1928 г. после смерти Давыдовой и эмиграции Якунчиковой Гумилевская взяла в свои руки управление артелью с быстро растущим количеством работниц-надомниц. Производство, однако, претерпевало в то время большие организационные сложности и проблемы с отчетностью, на что указывали итоги государственных проверок (Некрасов, Дубинина 2019: 242). Несмотря на все сложности, продукция артели продавалась за рубежом, экспонировалась на международных выставках крестьянского декоративного искусства в Италии, Бельгии, Англии, Франции, изделия мастериц удостаивались высоких наград (Личенко 2005: 138). До середины 1930-х гг. Тарусская вышивальная артель работала в основном на экспорт. Во второй половине 1930-х гг. стал расширяться ассортимент для внутреннего рынка СССР, продажа за границу практически прекратилась. Изготавливались женская, мужская и детская одежда в промышленных масштабах, рос штат: художники по вышивке теперь работали в сотрудничестве с закройщиками-конструкторами. В 1930-е гг. также предпринимается попытка освоить так называемый экспериментальный подход в вышивке: ведется работа над панно, носящими злободневные названия «Индустриализация» и «Завоевание Северного полюса», кото-

рые, однако, получили смешанные реакции и некоторыми искусствоведами были признаны неудачными (Личенко 2005: 145). При этом в целом весь творческий путь Гумилевской, которая являлась художественным руководителем производства вплоть до 1967 г., принято характеризовать как искусство нового советского времени, которое сформировалось «в кругу искусства народного» (Там же).

Во время Великой Отечественной войны в период короткой оккупации Тарусы был утерян архив образцов (рисунков и вышивок), собранный за все годы работы артели. Также было разрушено здание, где располагались мастерские, не уцелело ни оборудование, ни инвентарь. После войны производство восстанавливалось силами мастериц на их же взносы (ПМА 2021). В целом эта история восстановления вопреки послевоенной разрухе силами женщин-работниц часто повторялась в ключе героизации мастериц в различных наших интервью, когда поднималась тема вышивки и ее значимости для истории города.

Артель продолжала активно развиваться, но небольшие мощности и устаревшее оборудование мешали росту производства. В 1960 г. в связи с упразднением в СССР промысловой кооперации артель была официально переименована в Тарусскую фабрику художественной вышивки. В наших интервью нередко звучали суждения о том, что получению нового статуса фабрики и расширению производства, так же, как и общему подъему в развитии города, способствовал известный тарусский дачник писатель Константин Паустовский, который написал о Тарусе несколько очерков. «Письмо из Тарусы», впервые напечатанное в газете «Правда» 26 июня 1956 г. и названное впоследствии писателем примером «русской слезницы» (жалобного прошения), по сути своей является обращением к власти с критикой стереотипного отношения к малым городам, как к захолустью, оставшемуся вне индустриального развития, а также с обличением «хозяйственников» и обвинением в недостаточном финансировании (Паустовский 1956). Через пять лет последовала публикация в известном альманахе «Тарусские страницы» очерка «Городок на реке», где также прославляется природа и особый творческий климат Тарусы, которая «уже становится литературным и художественным подмосковным центром», и упоминаются «вышивальщицы, если можно так выразиться, с европейским именем, чья работа восхищала зрителей на разных выставках, особенно на Международной выставке в Брюсселе» (Тарусские страницы 1961: 8).

В том же альманахе был опубликован очерк «Куколки» Надежды Мандельштам (Яковлевой), в котором очень нежно и внимательно выведены портреты тарусских вышивальщиц на фоне одновременно литературных и этнографических описаний предметов и интерьеров. Мы отметим здесь пару важных для нашего исследования наблюдений этого автора. Во-первых, уже в тексте 1961 г. вышивка позиционировалась как

безусловно ценная в силу своей историчности и нуждающаяся во внимании и ответственном сохранении культурная локальная практика, что отсылает нас к дискурсу наследия и определенному патерналистскому нарративу. Во-вторых, несмотря на всю традиционность промысла, автор отмечал личный вклад Гумилевской как художественного руководителя нового времени, готового адаптировать традицию под новые реалии.

Через четыре года после «Тарусских страниц» вышел еще один текст Паустовского «Судьба маленького города», в котором писатель сообщает, что вопрос о благоустройстве Тарусы («одной из Золушек среди наших городов») обсуждался в Совете министров РСФСР и было принято решение «широко и быстро помочь». Перечисляя достижения по развитию Тарусы за прошедшие годы, автор отмечает, как расширена была «знаменитая фабрика художественной вышивки» (Паустовский 1965). В 1966 г. фабрика перешла в ведение новообразованного Главного управления народных художественных промыслов и производства сувениров (ГАКО. Ф. Р-3526. Оп. 1. Историческая справка), а в 1971 г. художественным советом при Главном управлении народных художественных промыслов товары, производимые на фабрике, были отнесены к изделиям народных художественных промыслов (Личенко 2005: 147). Производство продолжало расширяться в 1970–1980-е гг., количество работников росло и достигало 500–600 человек в разные годы (ПМА 2021). Современные жители эксплицитно выстраивают связь между попытками Паустовского привлечь внимание «центра» к Тарусе и развитием города и местных производств (ПМА 2021).

Вышивка в фабричном масштабе стала выполняться при помощи швейной машинки: наши собеседницы называли ее «третья рука», так как она помогает в обметке нитей, но подготовка и прореживание ткани все равно выполняются вручную (ПМА 2021). Таким образом происходило облегчение ручного труда и удешевление выпускаемой продукции с сохранением и качества, и техники исполнения. В конце 1970-х гг. был запущен новый производственный корпус, где уже большинство процессов было механизировано, однако при этом сохранилась практика традиционной ручной «перевити» для изготовления изделий для выставок (Личенко 2005: 148).

В те же годы продукция фабрики представлялась на различных модных показах по всей России: создавалась повседневная и праздничная одежда, обязательно имеющая декоративные элементы с «перевитью». На производстве проходили стажировку студенты-дизайнеры из различных вузов со всей страны. В 1984–1985 гг. фабрика отпраздновала свой 60-летний юбилей. Этому была посвящена масштабная выставка в Тарусской картинной галерее, а затем и в Калужском краеведческом музее.

Изделия тарусских вышивальщиц поставлялись в магазин «Русский сувенир», в ГУМ, на сувенирные базы и в другие магазины Москвы и, конечно, Калуги.

Обобщенные Кюном подходы к изучению (де)периферизации разрабатывались для анализа процессов, протекающих в капиталистических обществах, в то время как история вышивальной фабрики развивалась в условиях командной экономики. Однако отметим, что социально-экономические аспекты бытования традиционной вышивки в Тарусе вполне укладываются в выбранную нами модель. Приезжие привносили в город собственный культурный и социальный капитал, через их социальные связи привлекались дополнительные ресурсы. В результате модернизирующееся производство, сформировавшееся вокруг местной традиции, стало также и точкой притяжения работников извне города.

После распада СССР в 1990-е гг. фабрика вышивки стала жертвой постоянных переделов собственности и пришла в упадок, хотя и не закрылась. В 1993 г. происходит резкое сокращение рабочих мест. От закрытия фабрику спасло ее преобразование в 1999 г. в ЗАО Народный художественный промысел (НХП) «Тарусская вышивка имени М.Н. Гумилевской».

Среди наших собеседников распространенным является нарратив о том, что только статус «места бытования традиционного народного художественного промысла (достопримечательного места)» спасает ее от закрытия. По Федеральному закону «О народных художественных промыслах» 1999 г. деятельность организаций НХП не подлежит репрофилированию в случае смены собственника. Таким образом, сама фабрика приравнена к объектам культурного наследия.

После принятия Федерального закона «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации» в 2022 г. практика вышивки оказывается наделенной особым статусом, что расширяет круг заинтересованных в ее поддержании сторон. «Перевитье» сегодня позиционируется как «живое наследие» Калужской области, став одним из культурных брендов региона (Портал «Живое наследие»). Туристов знакомят с историей промысла и фабрики, на улицах Тарусы и Калуги можно встретить мотивы перевити в виде муралов и граффити, архивные вышивки продолжают выставляться в краеведческих музеях региона, а также в экспозициях по декоративно-прикладному искусству по всей России.

На сегодняшний день производство на фабрике продолжается, однако в гораздо меньших масштабах, чем в 1960–1980-е гг. Изделия продаются в фабричном магазине. Наши собеседницы-вышивальщицы говорили о том, что система обучения мастеров на производстве сегодня сломана, так как раньше новых работниц прикрепляли на пару месяцев к мастерице, которой доплачивали за обучение. Сегодня же мастерам за обуче-

ние не платят, а зарплата в целом у них сдельная – по количеству выполненной работы. «Учить кого-то – себе в убыток», – сетовала одна из вышивальщиц (ПМА 2021).

Особый статус промысла и привлечение внимания к вышивке как к объекту нематериального культурного наследия послужили толчком к развитию низовых инициатив. Параллельно с фабрикой существуют частные вышивальные мастерские, которые пытаются встроиться в общий городской туристический поток. Как говорит владелица одной такой мастерской, покупатели есть только в летние месяцы – пик туристического сезона (впрочем, как и у фабричного магазина). Наша собеседница родилась в Тарусе, но живет в Москве, а на фабрике она проходила практику, получая образование художника-модельера. Главная проблема, по мнению женщины, это обучение новых мастериц. Она сама «ходит за 5–6 мастерицами» и просит взять интересующихся девочек в ученицы, но на момент нашего интервью, по ее словам, не имеет больших успехов, так как вышивальщицы устают от обилия работы (ПМА 2021). Свою мастерскую наша собеседница позиционирует не как «ателье по пошиву», а как образовательную дизайн-студию, делая акцент на передаче умений, собирании образцов вышивок и художественных умениях по созданию эскизов. На момент нашего интервью (лето 2021 г.) в студии бесплатно обучались пять девочек-учениц, которые могли реализовывать созданные ими изделия в магазине при студии. Небольшое количество учениц наша собеседница объясняет тем, что у молодых девушек нет большой мотивации учиться, так как они не уверены в дальнейшем трудоустройстве (ПМА 2021). Владелица мастерской характеризует вышивку как «утихающий народный промысел», позиционирует себя как активистку и выступает за сохранение практики всеми доступными силами. В своей студии она собирает фотографии вышивальщиц, работавших на фабрике, исторические вещи, украшенные вышивкой, литературу с рисунками и схемами их создания, а также сами эскизы вышивок, считая последние одним из главных компонентов сохранения промысла наравне с активной передачей знания от опытной мастерицы к молодой ученице.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что в целом во второй половине XX в. вышивка как культурная практика была для Тарусы одним из депериферизационных факторов, позволяющих ей как малому городу сохранять и развивать свой социальный капитал, укрепляя при этом транслокальные экономические и культурные связи. В последние десятилетия вышивка в значительной мере утратила эту функцию, однако ее депериферизационный потенциал сохраняется за счет того, что калужская перевить, ставшая «утихающим» промыслом, стала «жить» в пространстве наследия, аккумулируя патерналистские инициативы и отсылая к локальной памяти, в том числе о процветавшем когда-то масштабном производстве.

Мозаика: новые художественные практики и социальный капитал

В качестве другого примера фактора депериферизации мы выбрали попытку целенаправленно создать в Тарусе новую художественную традицию – сделать город центром современной российской мозаики. Этот проект принадлежит исключительно частному лицу – состоятельному предпринимателю (И.А.).

Мозаика является его давним и очень серьезным увлечением. И.А. не только является крупным частным коллекционером современной мозаики (ПМА 2021), но и вовлечен в процесс популяризации мозаичного искусства.

В своих интервью И.А. говорил, что мозаика показалась ему самым значимым из современных видов искусства. Это восхищение сподвигло его не только начать коллекционирование работ современных авторов, но и заняться активным продвижением мозаичного искусства в России. Под его эгидой работали российские и зарубежные художники и технологи, создавались в разных городах России художественные студии и производства. «Последние 12 лет велась очень обширная работа по созданию вообще такого прецедента как современная российская мозаика. Начиная от самых-самых корней, то есть это создание материалов. И параллельно созданию материалов шла история о его эксплуатации. И это отдельная история о его производстве, об индустрии», – так описывает деятельность И.А. один из работавших с ним художников. География этой деятельности в разное время включала в себя Москву, Санкт-Петербург, Челябинск, Томск, Балабаново (Калужская область) и, в конце концов, Тарусу. В эту мозаичную «сеть» входили художественные мастерские, смальтоварни, экспериментальная мастерская, в которой был создан запатентованный новый материал для мозаики.

В конце концов основная «мозаичная» деятельность И.А. сконцентрировалась в Тарусе. Ее центром стал Дом литераторов. Как говорят, уже решив обосноваться в Тарусе, И.А. гулял по берегу Оки и увидел на высоком берегу руины. Это было заброшенное здание столовой бывшего дома отдыха им. В.В. Куйбышева. Остальная территория дома отдыха была к тому времени уже обустроена под гостиничный комплекс «Серебряный век», но бывшая столовая оставалась бесхозной и в итоге была куплена и реконструирована И.А., получив название «Дом литераторов» (ПМА 2021). Дом литераторов – это multifunctionальное культурное пространство. Тут располагается ресторан, зал которого регулярно превращается в концертную площадку, и гостиничные номера, где останавливаются приглашаемые на разнообразные мероприятия деятели культуры. Место выбрано настолько удачно, что это даже заставляет несколько усомниться в случайности этого выбора, – в прошлом, еще до

постройки дома отдыха, именно на этом прибрежном холме располагался знаменитый «Песочный дом», в котором жили Цветаевы, а потом и художник В.Э. Борисов-Мусатов, и семья Вульфов, дружившая с В.М. Поленовым, обосновавшимся на противоположном берегу Оки. Вера Васильевна Вульф, выдающаяся музыкантка, устраивала концерты в здании бывшего соляного амбара. В 1915 г. там организовали Народный дом и начали ставить оперу и театральные представления; более пяти лет В.В. Вульф давала еженедельные концерты классической музыки в собственном доме, заложив традицию музыкальных «субботников», которую потом поддерживал ее сын (Каштанова 2021). Таким образом, место, где теперь располагается Дом литераторов, связано и с литературной, и с живописной, и с музыкальной традицией, и в нынешней жизни Дома литераторов эта связь возобновляется и поддерживается. Там проводятся концерты и кинопоказы, ставятся спектакли; в том числе Дом литераторов предоставляет площадку для мероприятий в рамках различных фестивалей (например, Музыкально-художественный фестиваль Фонда Святослава Рихтера (Портал «Фонд Святослава Рихтера»), Международный детский Пасхальный вокально-хоровой фестиваль «Светлая седмица») и даже научных конференций (Блищ, Алешка 2017).

Большая часть здания, как и его территория, служит для экспозиции работ из мозаичной коллекции И.А. Один из гостиничных номеров зарезервирован для известного итальянского художника Марко Бравура, который почти постоянно живет здесь со своей женой. Также здесь оборудована мозаичная мастерская для его работы. Как говорит Бравура в своих публичных интервью, «для художника нет ничего лучше, чем иметь место для работы и делать все, что ты захочешь, без всякой нужды идти на компромиссы. Вот почему мне это нравится – я не работаю, я просто играюсь со своими идеями. И потом, конечно, у меня есть моя пенсия. Этого более чем достаточно для того, чтобы жить в Тарусе, потому что здесь у меня нет никаких расходов, мне не нужно платить за жилье, а все остальное – место для работы, материалы, еду, машину, одежду и, самое важное, дружбу – дает мне И.» (Бабушкин, Насонова, б.г.). Этой мастерской также пользуются другие мозаичисты, знакомые И.А. и Бравура; так, сюда иногда, чаще всего летом, приезжает поработать художница из Санкт-Петербурга. Она начала свой творческий путь в Мухинском училище (Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия имени А.Л. Штиглица), потом работала с Бравура, а теперь имеет собственную мастерскую в Петербурге, однако сохраняет контакты с И.А. и Бравура.

Еще одной частью мозаичного проекта И.А. в Тарусе была Детская школа мозаики, разместившаяся в Школе искусств. Она соседствовала с городской Детской школой искусств в старом здании земской больницы 1870 г. постройки. В 2013 г. И.А. выкупил и отреставрировал его, заодно

благоустроив примыкающую территорию, которая получила название «Сад искусств» (ранее там располагался морг и выгребная яма), и сдал здание в аренду городской администрации за символическую сумму 1 руб. в год. В оформлении интерьеров проявилась страсть спонсора к мозаике – они украшены мозаичными панно и скульптурой. Над созданием этих мозаик работали и местные художники-керамисты, которых в Тарусе довольно много. В советское время в Тарусе была создана экспериментальная керамическая фабрика, благодаря которой город был местом притяжения для керамистов в 1980–1990-е гг., и хотя она пришла в упадок, какое-то производство сохраняется до сих пор. Кроме того художники, работающие с керамикой в разных формах, есть и среди творческих людей, кто приезжает в город и в последние годы.

Руководителем Детской школы мозаики стал еще один мозаичист из Петербурга – В.А., ученик Марко Бравура. Сам В.А. называл эту школу проектом, частью миссии И.А. – «просвещение; просвещение в широком смысле»; это «история о современных, даже не альтернативных, а параллельных подходах к образованию, которые И.А. сам проповедует» (ПМА 2021).

Интерес И.А. к образованию, в особенности детей младшего и среднего школьного возраста, очевиден – это еще один большой его проект. Во время нашей экспедиции мы размещались в реконструируемом здании, которое постепенно превращалось в школу. Хотя ремонт был еще не закончен, там уже велись занятия музыкой и работал шахматный кружок. В соответствии с его вкусами в здании школы также много мозаичного декора.

Помимо этих основных проектов, которые были по большей части инициативой самого И.А., он участвует и в других городских проектах. Так, в 2015 г. он помог городу отреставрировать фасад районной детской библиотеки, к работе был привлечен известный российский скульптор по металлу Андрей Волков; в результате библиотека со своим сказочным фасадом вошла в список тарусских достопримечательностей. Также И.А. оказал поддержку городу в реставрации (укреплении) могилы Борисова-Мусатова. В 2021 г. он участвовал в проекте по оформлению городского фонтана мозаикой – это было предложение главы администрации города, представленное им городскому художественному совету Тарусы и поддержанное многими местными художественными деятелями; В.А., принимавший в этом проекте большое участие, охарактеризовал его как важный и очень успешный опыт совместного действия множества городских активистов: «...там 91 плиточка, 25 человек трудились над этими плиточками, каждая она авторская, но объединенная идеей [Времена года]. Это чисто социальный проект, который был направлен не столько на создание уникального объекта искусства, сколько на создание путей

коммуникации... Это пример того, как администрация, которая оплатила материалы... И.А., который дал возможность мастерскую оборудовать, в которую я пригласил людей, в которой мы это создали все, люди, которые находили на протяжении полугода время каждое утро приходить, естественно из чисто альтруистических побуждений, создавать этот фонтан, а потом это все монтировать... [Это] материальное выражение идеи нашей вот такой коммуникации, способности собраться и сделать» (ПМА 2021).

Итак, деятельность и крупные инвестиции И.А. привлекают в Тарусу большое число разных людей и оказывают заметное воздействие на городскую жизнь.

И.А. приводит в город людей, которые уже давно работают над его проектами, постоянно или периодически. Среди таких исполнителей – художники, сработавшиеся с И.А. и (или) Бравура и сохраняющие с ними профессиональные связи, как, например, Т., приезжающая поработать летом в мастерскую Бравуры, несмотря на наличие собственной мастерской в Петербурге, или В.А., курирующий детскую школу мозаики в Тарусе. Есть и другие специалисты, например, «интернациональная бригада» (ПМА 2021) рабочих-строителей, которые во время нашего пребывания в Тарусе трудились над ремонтом школы, а до этого работали на стройках И.А. по всей России (ПМА 2021). Этот аспект, между прочим, важен тем, что используя свой капитал, и не только финансовый, но и социальный, И.А. привлекает для работы над проектами, часто непосредственно влияющими на городскую среду в Тарусе, специалистов, которые иначе вряд ли могли бы здесь появиться. Например, к созданию Сада искусств была привлечена архитектурная школа МАРШ; также они занимались укреплением ряда культурных объектов в Тарусе, в том числе могилы Борисова-Мусатова (ПМА 2021).

Вместе с тем деятельность И.А. привлекает «гостей» из числа видных деятелей искусства или просто состоятельных москвичей. Некоторые из них становятся «завсегдатаями» Тарусы, которую они видят во многом через культурные мероприятия в Доме литераторов или «Велне» – люксовом СПА-отеле, располагающемся недалеко от Тарусы, с владельцем которого И.А. дружен. Такие «элитные» туристы сами по себе могут практически не пересекаться с жизнью остальной Тарусы, однако некоторые из них порой и сами становятся «новыми тарусянами». Так, например, известный московский дизайнер Е.Ж. изначально стала бывать в Тарусе, потому что здесь поселилась ее мама, однако переживая здесь пандемию 2020 г., она стала регулярно посещать Дом литераторов, вошла в тот круг людей, что там собирается, в том числе подружилась с самим И.А., и решила приобрести здесь собственный дом и тоже заняться чем-нибудь «общественно полезным». Случайным образом она натолкну-

лась на предложение выкупить дом, некогда принадлежавший Н.П. Ракицкому, советскому агроному, который на своем участке в Тарусе занимался акклиматизацией растений из разных климатических зон в условиях центральной полосы России. Ракицкий создал небольшой, но уникальный сад-дендрарий с десятками успешно акклиматизированных деревьев и кустарников, и сегодня его дом и сад входят в реестр регионального исторического наследия. Теперь Е.Ж. возрождает сад, реставрирует здание по собственной инициативе и руководствуется своим эмоциональным отношением к городу, с которым она не имела прежде какой-то личной связи, создает новое городское общественное пространство, проводя культурные фестивали, принимая туристов и встраиваясь в общий культурный нарратив Тарусы. Надо отметить, что Ракицкий был одновременно и коллекционером живописи, предметов декоративно-прикладного искусства и т.п. В 1963 г. он инициировал создание в Тарусе картинной галереи, которой передал свою коллекцию; это известный в городе факт. Таким образом, этот деятель сыграл в жизни города весьма значимую роль. Тем не менее его имя было увековечено лишь формально – в списке объектов культурного наследия регионального значения, в то время как сам этот объект пребывал в совершенно запущенном состоянии. Деятельность Е.Ж. по восстановлению сада привела к оживлению памяти этого почетного гражданина Тарусы (звание получено им в 1967 г. за участие в создании картинной галереи). Его имя теперь увековечено не только в официальных архивных документах, которые не интересны широкой публике, или в сопроводительных текстах о Тарусской галерее, но и в топонимике города: сад-дендрарий Ракицкого отмечен на картах как музей, а прилегающая небольшая улочка переименована в его честь. Новая хозяйка дома таким образом становится актором наследия, переизобретая дом Ракицкого в качестве социального пространства XXI в., «возвращая» городу имя самого ученого, вкладывая собственный социальный капитал в город и привлекая других заинтересованных лиц.

Остается вопрос, как расценивать эти процессы. С одной стороны, их можно описать в терминах джентрификации. Попытки описать протекающие в Тарусе социальные процессы в этой оптике уже предпринимались; в рамках этого подхода была описана «своеобразная социокультурная поляризация и обособление, наблюдаемые в местной среде за последние десятилетия» (Севастьянов 2021: 243). Один из главных аспектов джентрификации – замещение населения: состоятельные люди осваивают привлекательное пространство, вытесняя старожилов и замещая их в качестве местных жителей. В принципе этот процесс идет здесь уже давно: одна из наших собеседниц, сама переехавшая в Тарусу в 1990-е гг., особенно отметила, что когда она приехала, была поражена,

во-первых, количеством зелени, во-вторых, домами с наличниками. Тогда еще сохранялось огромное количество «деревянных старых домов с шикарными резными наличниками». По ее словам, «их потом пожгли в основном», чтобы забрать землю в городе под застройку, и теперь ходить по Тарусе стало неинтересно, слишком много «новодела» (ПМА 2021).

Поскольку речь в нашей статье идет о культурных практиках и работе с наследием, в данном случае говорить о вытеснении не кажется правильным. Наши собеседники акцентировали внимание на том, что приобретали в собственность *заброшенные* строения и земли и что они занимают *заброшенными* памятниками. Однако остается вопрос о степени интеграции в существовавшую до того культурную жизнь и с теми социальными группами, которые выступают акторами на том же поле.

И.А. рассказывает, что когда он только решил обосноваться в Тарусе и начал восстанавливать Дом литераторов, то полагал, что ему удастся создать одно большое сообщество из всех творческих людей Тарусы: «...появится общее пространство, где можно будет собираться, я думал, ну, полгода пройдет, я всех узнаю, все придут в Дом литераторов, мы все перезнакомимся, и все, у нас уже начнется какая-то общая жизнь. Вот сейчас 10 лет прошло, уже лет 5 назад я перестал даже об этом думать, и причины здесь какие: во-первых, я понял, что структура Тарусы такова, что она состоит из сотен микросообществ, каждое из которых уверено, что кроме них никого нет» (ПМА 2021). Кажется, он видит в этом проблему: «...ко мне приезжают со всего мира люди, а огромное количество тарусской интеллигенции даже не слышали о нем [о Доме литераторов. – *Авт.*], а если и слышали, то не были и не собираются» (ПМА 2021).

Тем не менее нельзя не отметить влияние деятельности И.А. и сложившегося вокруг этой деятельности сообщества, например, на сам облик города. Хотя значительная часть этого влияния относительно анонимизирована, поскольку скрывается за финансированием технических работ на культурно важных объектах или спонсорством проектов, концепция которых не носит очевидных отпечатков его идей и вкусов (например, детская библиотека), некоторые проекты непосредственно их демонстрируют. Школа искусств с примыкающим садом искусств, достраиваемая детская развивающая школа со своим мозаичным декором – это крупные городские общественные объекты. Через них мозаичный проект И.А. в своем монументальном виде вливается в городскую среду.

Кроме того, мозаичные проекты и самого И.А. (Дом литераторов, Школа искусств) и других активистов (фонтан) становились периодами кооперации этого и других городских сообществ через привлечение собственно тарусских (т.е. появившихся в Тарусе в разное время без какой-либо связи с деятельностью И.А.) художников к их исполнению. Однако даже временно кооперируясь, эти сообщества не сливаются.

Что касается культурных мероприятий в Доме литераторов и «Велне», представляется, что их посетителями становятся в основном туристы и «дачующие» москвичи. Многие наши респонденты говорят, что тарусяне знают о них, но что эти мероприятия рассчитаны на москвичей – при средней зарплате в Тарусе 15–18 тыс. руб. даже 500–600 руб. за билет (со скидкой «для местных») – уже слишком высокая цена для них (ПМА 2021).

Подводя итоги, можно сказать, что, с одной стороны, деятельность актора – частного лица, опирающегося исключительно на собственные ресурсы, однако одновременно обладающего и значительным социальным капиталом, создает в Тарусе особую точку социального притяжения. Складывающееся вокруг этой точки притяжения сообщество не принадлежит собственно Тарусе; оно не только транслокально, но и, в принципе, международно. С другой стороны, отдельные члены этого сообщества укореняются в Тарусе, создавая новые подобные точки притяжения. Делая Тарусу привлекательной для новой – по сравнению, например, с в прямом смысле слова дачниками, – категории туристов и переселенцев, таких как Е.Ж., это сообщество, безусловно, оказывает депериферизационное влияние.

Кроме того, несмотря на то, что поддержание этого сообщества завязано на активности и вложениях всего нескольких человек, результаты его деятельности имеют и вполне конкретное, материальное выражение в виде нового облика важных общественных пространств города. Вписываясь в городскую среду, они создают в ней свой отдельный мозаичный нарратив. Он перекликается с уже существующим: как уже упоминалось, художники, работающие с мозаикой, жили и работали в Тарусе и ранее, и их работы также украшают город, например, фасад собора Петра и Павла украшен мозаикой, созданной местными мастерами, но и отчетливо выделяется на его фоне.

Заключение

Проанализированные нами кейсы традиционной вышивки и современной мозаики демонстрируют, как культурное производство, и в практиках наследия (как, например, вышивка и сад Ракитского), и в виде современных культурных инициатив (как мозаичный проект И.А.), может стать самостоятельным фактором депериферизационных процессов. Важным наблюдением стало то, что «историчность» таких практик не играет значимой роли. Вокруг них формируются сообщества, с их помощью повышается социальный капитал города в целом, частично восполняя те потери, которые периферия несет в пользу центров.

Так, история вышивки показывает путь народного промысла, ставшего фабричным производством, «притягивающим» людей, а затем вер-

нувшего в пространство индивидуальных низовых инициатив, развивающихся уже в пространстве наследия как в индустрии «добавленной ценности» (Kirshenblatt-Gimblett 1995: 369) и опирающихся на коммеморативный дискурс. Вышивальное искусство как культурная практика проявляет депериферизационный потенциал и в социальном, и в экономическом понимании.

Кейс мозаики представляет цепочку взаимодействий, в которой социальный капитал и агентность одного человека спровоцировали изменения в городской среде, опорой которым стал уже имеющийся «культурный бренд» города и восприимчивость локальных сообществ. Формирующееся вокруг этой практики сообщество довольно обособлено от остальных, и потому может восприниматься скорее как проявление периферизации во внутригородском масштабе – в той социологической оптике, которая говорит о маргинализации отдельных районов по отношению к другим и о появлении таким образом внутренних периферий. Но в то же время деятельность этого сообщества направлена на преодоление этого эффекта (организация детских кружков и школ, участие в общегородских проектах и т.п.). На уровне же соотнесения Тарусы с соседствующими «центрами», будь то Калуга, Москва или Серпухов, «мозаичная история» имеет явный депериферизационный эффект и в экономическом, и в социальном смысле (привлечение специалистов, попытка укоренить в Тарусе инновационные мозаичные технологии, работа на бренд города и пр.).

Оба кейса демонстрируют также важность политического фактора в (де)периферизационных процессах. История вышивальной фабрики – лишь один из примеров в истории города, говорящих о том, насколько в советское время эти процессы напрямую зависели от решений, принимаемых в Москве. В наше время политическая зависимость Тарусы также прослеживается в культурной области. При этом пути преодоления политической зависимости – через культурный и социальный капитал «ресурсных» приезжих – обнаруживают заметное сходство. Очевидно и то, что у современной администрации города есть желание развивать культурную сферу жизни города и именно через нее усиливать его привлекательность как для жизни, так и для туризма; руководство города обычно не в состоянии оказывать материальную поддержку частным инициативам, однако может предоставлять организационную или информационную помощь. Вместе с тем взаимоотношения городской администрации с частными деятелями не всегда простые, поскольку у нее существуют собственные представления о желательном образе Тарусы и о первоочередных задачах.

Постскрипtum

Основной материал, использованный при написании этой статьи, был собран в 2020–2021 гг. Менее чем через год после нашей экспедиции обшая ситуация в стране и мире драматически изменилась. Какие-то проекты продолжают, какие-то были свернуты. Кто-то из активных участников культурной жизни Тарусы покинул Россию, кто-то продолжает свою деятельность. Помимо личных обстоятельств, меняется и экономическая ситуация. В настоящее время трудно оценить, какое влияние новый контекст окажет на исследуемые процессы (де)периферизации в Тарусе.

Список источников

- Аверкиева К.В., Нефедова Т.Г.* Дачная «колонизация» российской глубинки. Пример Костромской области // Мир России. 2016. № 1. С. 103–128.
- Анохин А.А., Кузин В.Ю.* Подходы к выделению периферии и периферизация в пространстве современной России // Известия Русского географического общества. 2019. № 151 (1). С. 3–16. doi: 10.31857/S0869-607115113-16
- Бабушкин Я., Насонова А.* Тарусские пленники: как предприниматели и благотворители улучшают жизнь в провинции. URL: <https://www.forbes.ru/rubriki-kanaly/video/483208-tarusskie-plenniki-kak-predprinimateli-i-blagotvoriteli-ulucsaut-zizn-v-provincii> (дата обращения: 15.08.2023).
- Блиц Н.Л., Алешка Т.В.* Вторая Международная научная конференция «Творчество Беллы Ахмадулиной в контексте культуры XX века» // Журнал Белорусского государственного университета. Филология. 2017. № 3. С. 91–92.
- Бурдые П.* Исторический генезис чистой эстетики. Эссенциалистский анализ и иллюзия абсолютного // Новое литературное обозрение. 2003. № 2. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2003/2/istoricheskij-genezis-chistoj-estetiki-1-essenczialistskij-2-analiz-i-illyuziya-absolyutnogo.html> (дата обращения: 15.12.2023).
- Бурдые П.* Формы капитала // Центр гуманитарных технологий. 18.09.2009. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/2601> (дата обращения: 01.12.2023).
- Государственный архив Калужской области (ГАКО). Ф. Р-3526. Оп. 1. Историческая справка.
- Кайбичева Е.И.* Периферизация: теория и современная практика исследований // Вестник Пермского университета. Серия «Экономика». 2019. Т. 14, № 3. С. 448–461. doi: 10.17072/1994-9960-2019-3-448-461
- Каиштанова Е.Е.* «Живу я в усадьбе Борок против города Тарусы...» // Таруса в исследованиях краеведов: сб. докл., тез., сообщений III–V конференций «Историко-культурное и природное наследие Тарусского края». Калуга, 2021.
- Лаппо Г.М.* Города России. Взгляд географа. М.: Новый хронограф, 2012.
- Личенко С.И.* Народное искусство Калужского края XIX–XX вв.: дис. ... канд. искусствоведения. М., 2005.
- Махрова А.Г., Медведев А.А., Нефедова Т.Г.* Садово-дачные поселки горожан в системе сельского расселения // Вестник Московского университета. Сер. 5: География. 2016. № 2. С. 64–74.
- Некрасов М., Дубинина Л.* Мария Фёдоровна Якунчикова. Жизнь и деятельность. М.: АИРО-XXI, 2019.
- Паустовский К.* Письмо из Тарусы. 1956. URL: <http://paustovskiy-lit.ru/paustovskiy/mesta/tarusa/pisma.htm> (дата обращения: 15.06.2023).

- Паустовский К. Судьба маленького города. 1965. URL: <http://paustovskiy-lit.ru/paustovskiy/public/sudba-malenkogo-goroda.htm> (дата обращения: 15.06.2023).
- ПМА 2021 – Полевые материалы авторов, собранные в экспедиции в Тарусу в июле 2021 г.
- Портал «Живое наследие» URL: <https://livingheritage.ru/brand/kaluzhskaya-oblast/taruskaaya-vyshivka-cvetnaya-perevit> (дата обращения: 16.08.2023).
- Портал «Фонд Святослава Рихтера». URL: <http://richterfoundation.ru/xxviii-festival/> (дата обращения: 16.08.2023).
- Росстат. Заработная плата. URL: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries (дата обращения: 01.12.2023).
- Росстат. Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom1_Chislenost_i_razmeshchenie_naseleniya (дата обращения: 01.12.2023).
- Росстат. Численность постоянного населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на первое января 2019 года. URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2019/bul_dr/mun_obr2019.rar (дата обращения: 01.12.2023).
- Савоскул О.С., Ефимов А.Б., Смирнова Н.С., Ломакин Б.Е., Кадетский А.В., Мартынова Е.А. Таруса: окна в прошлое. Таруса; Калуга, 2021.
- Севастьянов И.В. Джентрификация малого российского города: пример Тарусы // Альманах конференции молодых ученых Института этнологии и антропологии РАН. Вып. II / отв. ред. С.А. Орешин, П.А. Серин. М.: ИЭА РАН, 2021. Т. 1. С. 243–263.
- Смит Л. «Зеркало наследия»: нарциссическая иллюзия или множество отражений? // Вопросы музеологии. 2013. № 2 (8). С. 27–44.
- Тарусские страницы. Калуга, 1961.
- Шереметьева М.Е. Все венки да поверх воды. Народное искусство Калужского края. 2-е изд. Тула, 1984.
- Шницерльман В.А. Археология, историческое наследие и проблемы этики // Сибирские исторические исследования. 2020. № 1. С. 97–122.
- Burnett K.A. Local Heroics: Reflecting on Incomers and Local Rural Development Discourses in Scotland // *Sociologia Ruralis*. 1998. Vol. 38, Is. 2. P. 204–224.
- Japan's New Ruralities. Coping with Decline in the Periphery / ed. by W. Manzenreiter, R. Lützel, S. Polak-Rottmann. London; New York: Routledge, 2020.
- Kirshenblatt-Gimblett B. Theorizing Heritage // *Ethnomusicology*. 1995. Vol. 39, № 3. P. 367–380.
- Kühn M. Peripheralization: Theoretical Concepts Explaining Socio-Spatial Inequalities // *European Planning Studies*. 2015. №. 23 (2). P. 367–378.

References

- Anokhin A.A., Kuzin V.Iu. (2019) Podkhody k vydeleniiu periferii i periferizatsiia v prostranstve sovremennoi Rossii [Approaches To The Allocation Of Periphery And Peripheralization In The Spatial Development Of Modern Russia], *Izvestiia Russkogo geograficheskogo obshchestva*, no. 151(1), pp. 3–16. <https://doi.org/10.31857/S0869-607115113-16>
- Averk'ieva K.V., Nefedova T.G. (2016) Dachnaia «kolonizatsiia» rossiiskoi glubinki. Primer Kostromskoi oblasti [Dachas And The Colonization Of Rural Areas By Urban Citizens In Russia: The Case Of The Kostroma Region], *Mir Rossii*, no. 1, pp. 103–128.
- Babushkin Ia., Nasonova A. *Tarusskie plenniki: kak predprinimateli i blagotvoriteli uluchshaiut zhizn' v provintsii* [Tarusa captives: how entrepreneurs and philanthropists improve life in the provinces]. Available at: <https://www.forbes.ru/rubriki-kanaly/video/483208-tarusskie-plenniki-kak-predprinimateli-i-blagotvoriteli-ulucsaut-zizn-v-provincii> (Accessed 15 August 2023)

- Blishch N.L., Aleshka T.V. (2017) Vtoraia Mezhdunarodnaia nauchnaia konferentsiia «Tvorchestvo Belly Akhmadulinoi v kontekste kul'tury XX veka» [The Second International Scientific Conference "Bella Akhmadulina's Creative Working In The Context Of The Culture Of The XX Century"], *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, no. 3, pp. 91–92.
- Bourdieu P. (2003) Istoricheskii genezis chistoi estetiki. Essentsialistskii analiz i illiuziia absoliutnogo [Genèse historique d'une esthétique pure], *Novoe literaturnoe obozrenie*, no 2. (In Russian) Available at: <https://magazines.gorky.media/nlo/2003/2/istoricheskij-genezis-chistoj-estetiki-1-essencialistskij-2-analiz-i-illyuziya-absolyutnogo.html> (Accessed 15. December 2023)
- Bourdieu P. (2009) Formy kapitala [The Forms of Capital], *Tsentr gumanitarnykh tekhnologii*. Available at: <https://gtmarket.ru/library/articles/2601> (Accessed 01 December 2023)
- Burnett K.A. (1998) Local Heroics: Reflecting on Incomers and Local Rural Development Discourses in Scotland, *Sociologia Ruralis*, Vol. 38, Is. 2, pp. 204–224.
- Gosudarstvennyi arkhiv Kaluzhskoi oblasti (GAKO) [State Archives of the Kaluga Region (GAKO)]. Fund R-3526. List 1. Istoricheskaiia spravka [Historical reference] *Japan's New Ruralities. Coping with Decline in the Periphery*. Ed. by W. Manzenreiter, R. Lützel and S. Polak-Rottmann. London & New York: Routledge, 2020.
- Kaibicheva E.I. (2019) Periferizatsiia: teoriia i sovremennaia praktika issledovaniia [Peripheralization: Theory And Modern Practices Of Studies], *Vestnik Permskogo universiteta. Ser. «Ekonomika» = Perm University Herald. Economy*, Vol. 14, no. 3, pp. 448–461. doi: 10.17072/1994-9960-2019-3-448-461
- Kashanova E.E. (2021) “Zhivu ia v usad'be Borok protiv goroda Tarusy...” [“I live in the Borok estate opposite the city of Tarusa...”]. In: *Tarusa v issledovaniakh kraevedov. Sbornik dokladov, tezisov, soobshchenii III–V konferentsii “Istoriko-kul'turnoe i prirodnoe nasledie Tarusskogo kraia”* [Tarusa in the studies of local historians. Collection of reports of the III-V conferences "Historical, cultural and natural heritage of the Tarusa region"]. Kaluga.
- Kirshenblatt-Gimblett B. (1995) Theorizing Heritage, *Ethnomusicology*, Vol. 39, no. 3, pp. 367–380.
- Kühn M. (2015) Peripheralization: Theoretical Concepts Explaining Socio-Spatial Inequalities, *European Planning Studies*, no. 23 (2), pp. 367–378.
- Lappo G.M. (2012) *Goroda Rossii. Vzgliad geographa* [Cities of Russia. Geographer's View]. Moscow: Noviy khronograph.
- Lichenko S.I. (2005) *Narodnoe iskusstvo Kaluzhskogo kraia XIX–XX vv.: dis. ... kand. iskusstvovedeniia* [Folk art of the Kaluga region of the 19th–20th centuries: Cand. of Art History dissertation]. Moscow.
- Makhrova A.G., Medvedev A.A., Nefedova T.G. (2016) Sadovo-dachnye poselki gorozhan v sisteme sel'skogo rasseleniia [Gardening And Dacha Communities Of Urban Dwellers In The Rural Settlement System], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 5 Geografiia*, no. 2, pp. 64–74.
- Nekrasov M., Dubinina L. (2019) *Mariia Fedorovna Iakunchikova. Zhizn' i deiatel'nost'* [Maria Fedorovna Yakunchikova. Life and work]. Moscow: AIRO-XXI.
- Paustovskii K. (1956) *Pis'mo iz Tarusy* [A Letter from Tarusa]. Available at: <http://paustovskiy-lit.ru/paustovskiy/mesta/tarusa/pisma.htm> (Accessed 15 June 2023)
- Paustovskii K. (1965) *Sud'ba malen'kogo goroda* [The fate of a small town]. Available at: <http://paustovskiy-lit.ru/paustovskiy/public/sudba-malenkogo-goroda.htm> (Accessed 15 June 2023)
- PMA 2021 – Polevye materialy avtorov, sobrannye v ekspeditsii v Tarusu v iule 2021 g. [Authors' field materials collected during the expedition to Tarusa in July 2021]
- Portal “Fond Svyatoslava Rikhtera” [Portal "Svyatoslav Richter Foundation"]. Available at: <http://richterfoundation.ru/xxviii-festival/> (Accessed 16 August 2023)

- Portal "Zhivoe nasledie" [Portal "Living Heritage"]. Available at: <https://livingheritage.ru/brand/kaluzhskaya-oblast/tarusskaya-vyshivka-cvetnaya-perevit> (Accessed 16 August 2023)
- Rosstat. *Chislennost' postoiannogo naseleniia Rossiiskoi Federatsii po munitsipal'nym obrazovaniim na pervoe ianvaria 2019 goda* [Rosstat. The number of permanent population of the Russian Federation by municipalities as of January 1, 2019]. Available at: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2019/bul_dr/mun_obr2019.rar (Accessed 01 December 2023)
- Rosstat. *Itogi Vserossiiskoi perepisi naseleniia 2020 goda* [Rosstat. Results of the 2020 All-Russian Population Census]. Available at: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom1_Chislennost_i_razmeshchenie_naseleniya (Accessed 01 December 2023)
- Rosstat. *Zarabotnaia plata* [Rosstat. Salaries]. Available at: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries (Accessed 01 December 2023)
- Savoskul O.S., Efimov A.B., Smirnova N.S., Lomakin B.E., Kadetskii A.V., Martynova E.A. (2021) *Tarusa: okna v proshloe* [Tarusa: Windows into the Past]. Tarusa–Kaluga.
- Sevast'ianov I.V. (2021) Dzhentifikatsiia malogo rossiiskogo goroda: primer Tarusy [Gentrification of a small Russian town: the example of Tarusa]. In: *Al'manakh Konferentsii molodykh uchenykh Instituta etnologii i antropologii RAN. Vypusk II* [Almanac of the Conference of Young Scientists of the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences. Issue II] / ed. by S.A. Oreshin, P.A. Serin. Moscow: IEA RAN, vol. 1, pp. 243–263.
- Sheremet'eva M.E. (1984) *Vse venki da poverkh vody. Narodnoe iskusstvo Kaluzhskogo kraia* [All the wreaths are on top of the water. Folk art of the Kaluga region]. 2nd ed. Tula.
- Shnirel'man V.A. (2020) Arkheologiya, istoricheskoe nasledie i problemy etiki, *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*, no. 1, pp. 97–122.
- Smit L. (2013) "Zerkalo naslediia": nartsissicheskaia illiuziia ili mnozhestvo otrazhenii? [The "Patrimonial Mirror": Narcissistic Illusion Or Multiple Reflections?], *Voprosy muzeologii*, no. 2(8), pp. 27–44.
- Tarusskie stranitsy* [Tarusa pages]. Kaluga, 1961.

Сведения об авторах:

ЛЮБИМОВА Наталия Сергеевна – младший научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия). E-mail: lyubimova@iea.ras.ru

МОЧАЛОВА Мария Алексеевна – младший научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии (Москва, Россия). E-mail: masha.mochalova@iea.ras.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Nataliia S. Liubimova, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). E-mail: lyubimova@iea.ras.ru

Maria A. Mochalova, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: masha.mochalova@iea.ras.ru

The authors declare no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 1 апреля 2024 г.;
принята к публикации 17 июня 2024 г.*

*The article was submitted 01.04.2024;
accepted for publication 17.06.2024.*